

С. Ю. МАЛЫШЕВА

«СВОЕ», «ЧУЖОЕ» И «ЧУЖДОЕ» В СФЕРЕ ДОСУГА: ОПЫТЫ РЕФЛЕКСИЙ И САМОРЕФЛЕКСИЙ ГОРОЖАН В РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.*

Сфера досуга российского провинциального города второй половины XIX – начала XX в. рассматривается в статье как пространство интенсивной коммуникации горожан и городских групп, их спора о содержании и формах досуга, как пространство формирования и поддержания идентичностей. Указанные процессы изучены на примере Казани – крупного губернского города в центре России, с пестрым социально-сословным и национально-конфессиональным составом населения.

Ключевые слова: досуг, культур(аль)ная история, идентичность, повседневность.

Во второй половине XIX – начале XX в. в России происходят важные изменения в понимании досуга. Он становится самостоятельной сферой жизни и деятельности горожанина, быстро коммерциализировавшейся частью сферы потребления. Формирование концепта досуга в условиях складывания потребительского общества и масс-культуры в России сопровождалось изменениями в языке и системе представлений об «отдыхе», интенсивной коммуникацией представителей различных городских групп по поводу содержания и форм их досуга, выступавшего важным фактором осознания собственной идентичности.

В свое время, характеризуя локальные общества Казани и Саратова 1870-1914 гг., Л. Хефнер писал о них, как о феномене во-обществления (*Vergesellschaftungsphaenomen*) индивида, а об этом во-обществлении (социализации) – как коммуникативном процессе¹. Однако «общество», о котором шла речь, по его оценке, являло собой примерно 1,5-3% населения города, причем, мужского и взрослого населения.

Сфера досуга представляется намного более обширным пространством интенсивной коммуникации и формирования идентичностей², так как она охватывала все население города, его разные слои и группы. Верно подмечено, что «в своей досуговой деятельности, – больше, чем в

* Статья подготовлена в рамках стипендии Германского исторического института в Москве и Фонда Герды Хенкель (Дюссельдорф, ФРГ) AZ 12/SR/06.

¹ *Häfner*. 2004. S. 13.

² Идентичность рассматривается в хабермасовском смысле, как индивидуализация через социализацию в историческом контексте, как целостность человека, реализуемая, прежде всего, в межсубъектном пространстве диалога-коммуникации.

рабочее время, – люди получали возможность принимать и утверждать избранные ими социальные идентичности»³. В этих коммуникативных процессах важную роль играли характеристика жителями городского досугового сообщества, размышления о взаимоотношениях внутри него, о взаимоотношениях между собой его отдельных групп, а также досугового сообщества и групп с отдельной личностью.

В этом плане интересный материал дают источники личного происхождения, художественная литература, авторская публицистика, материалы печати. Указанные процессы ярко высвечиваются на примере одного из крупных губернских городов в центре России, с развивавшимися промышленностью и торговлей, научной и культурной жизнью – Казани. Население города, насчитывавшее в середине XIX в. чуть более 60 тыс. чел., к концу первого десятилетия XX в. выросло в три раза, составив 180 тыс. чел. Оно было пестрым в социально-сословном и национально-конфессиональном отношении⁴. Не только наличие значительного мусульманского компонента, но и само расположение Казани в центре многонационального региона на своеобразной «ментальной границе» между российскими «Западом» и «Востоком», «Европой» и «Азией» обусловило смешанную «географическую идентичность» города. Казань позиционировалась как последний западный или первый восточный город на Сибирском тракте. Столь же смешанной была «идентичность» Казани и в отношении провинциальности и столичности: выступая в качестве провинциального города перед лицом российских столиц, для более мелких провинциальных городов, в том числе уездных, она воплощала в себе многие качества и стандарты столичного города. Досуговая культура Казани характеризовалась как общими чертами провинциального города, так и особенными, отражавшими ее специфику. И в этом плане рефлексии и саморефлексии жителей Казани по поводу досуговых практик и сообществ представляют большой интерес.

Представители образованных слоев, интеллектуалы характеризовали как «свое» лишь небольшую часть городского досугового сообщества, позиционируя остальную его часть как «чуждую». Так, профессор

³ Rearick. 2001. P. 202.

⁴ Большинство населения в конце XIX в. относилось к сословию крестьян (52,8%) и мещан (30,8%), дворянство составляло 8,8%, духовенство – 1,9%, купцы – 1,8%, почетные граждане – 1,5%. 71,1% населения города составляли русские (большинство – православные), 21,9% – татары (большинство – мусульмане), 1,2% – поляки, 1% – евреи, 0,8% – немцы, в городе проживало не менее полутора десятков представителей других национальностей, каждая из которых составляла менее 0,5% населения. См.: Первая всеобщая перепись населения. Т. 14.

Казанского университета Н. Н. Булич в своей публичной речи «Литература и общество в России за последнее время» (Казань, 1865), а также в личной переписке подразделял сообщество на три досуговые общности – по содержанию и интеллектуальной, духовной наполненности их досуга. Первые две представляли собой, фактически, части того локального общества, о котором писал Л. Хефнер: первая – «живущая и наслаждающаяся» – здесь «жизнь не задумывается и радостно играет своими первобытными силами. Карты и вино, лошади и охота, удаль своеволия и физической силы, светская жизнь и общественные сплетни и, наконец, женщина» как игрушка, «(...) сплетни, азартные карточные игры, особенно т.н. «стуколка», бесконечные веселые пикники, попойки, в лучшем случае – «вечеринки» и «балики», а иногда грандиозные кутежи и оргии «с цыганками», (...) повальное пьянство, особенно в «табельные» и «именинные дни»» – вот содержание наслаждения этой части досугового общества. Вторая часть общества – «живущая и мыслящая», к которой Булич относил «представителей лучшей части казанской интеллигенции, преимущественно из профессорской среды». Досуговые развлечения этой части общества составляли, помимо чтения, «игры, танцы, домашние спектакли, концерты, научно-литературные вечера, записи и альбомы «на память» и публичные лекции». Третья, не подпадающая под это деление, самая многочисленная – «та большая половина народа, где мысль не присутствует, а наслаждение слишком грубо, та часть, которую мы называем «живущею и страдающею», но она (...) не читает и не мыслит, а бьется из-за куска насущного хлеба»⁵.

Булич позиционировал себя как представителя второй досуговой группы, относя большинство казанского «общества», в котором ему приходилось бывать, к первой. В письмах родным он подчеркивал скуку этих досуговых собраний, пустоту их времяпрепровождения, собственную «чуждость» ему, наконец, заявлял о решении не бывать в этом обществе, запершись дома с книгами. 12 декабря 1859 г. он писал: «Жизнь в провинции Казанской, ей-богу, не изменилась нисколько в эти два года (...). Те же карты и обеды, те же вечеринки и балики с теми же лицами, которые были и прежде. (...) Так как я совершенно не играю в карты, то занимаюсь, как говорят здесь, козеткой. Но если б ты знал, что за разговор пустой выходит и как решительно говорить не о чем! Хорошо еще, если бывают молоденькие девушки: тогда разговор оживляется молодой болтовней, а при старых наших барынях, апатичных и вялых, привыкших к картам и сплетням, удивительно трудно выдержать разговорный

⁵ Булич. 1930. С. 929-931, 935-936.

вечер. Слова не вяжутся, зевается сильно и все мысли дома, около книг, в своем уютном углу. Говорят по большей части об одном и том же: что делается в Казани и вечные наблюдения над одними и теми же лицами»⁶.

Попытки отстраниться, укрыться от этого досугового сообщества, к его удивлению, оказывались напрасными. Так, Булич сообщал, что, вернувшись в город в конце января 1861 г. после некоторого отсутствия, он намеренно никого не оповестил о своем возвращении. Однако инфраструктура коммуникативных связей этого досугового сообщества оказывается столь разветвленной и бесперебойно работающей, что на другой день к нему явились с визитом знакомые, вызвав его возмущенный возглас: «Можно ли жить в такой публичности!»⁷.

Характеризуя как «свое» лишь небольшую часть местного досугового сообщества и, таким образом, позиционируя остальную его часть как «чуждую», представители образованных слоев нередко подчеркивали близость «своего» досугового мира «чуждому» миру западноевропейских интеллектуальных развлечений и удовольствий. Так, в своих частных письмах Булич, сетуя на пустоту и убогость местных развлечений, противопоставлял им музыку и театр «чужих стран»: «Сидишь, сидишь целый день за книгами, и хотелось бы вечером чем-нибудь развлечься, а решительно нечем: театр скверный, в гости идти не хочется из боязни услышать пошлости, и потому остаешься дома с тяжелой головой, облегчить которую нечем. И вспоминаются роскошные прогулки, и хорошая музыка, и театры чужих стран. Вот о музыке поневоле взгрустнется. У нас, в хорошую погоду, играет раза три в неделю на Черном озере роговая музыка, но слушать ее не тянет потому, что кругом все знакомые противные рожи вроде П.Ф.». Он заявлял: «Спасаясь только воображаемым путешествием в Италию и сижу над картой и книгами, подготавливающими к созерцанию божественной страны»⁸.

Тем самым затрагивался еще один важный аспект противопоставления «своего» и «чуждого» в сфере досуга, касающийся оппозиции/диалога «провинциального» и «столичного» (в самых разных вариациях – «зарубежного» и «российского», «нашего» и «не нашего»).

Провинциальные самоописания местной досуговой жизни и досугового сообщества отличали определенные культурно-психологические

⁶ Там же. С. 933.

⁷ Там же. Скорость «передачи новостей» по такому каналу неформальной коммуникации как слухи, в свое время была высчитана известным популяризатором науки Я. И. Перельманом: по его прикидкам, в провинциальном 50-тысячном городе время распространения «новости» равна 1-2,5 часам. Об этом: Орлов. 2008. С. 43.

⁸ Булич. 1930. С. 932.

особенности. Они отражали столкновение «провинциального» и «столичного» стандартов досуга, способы саморефлексии провинциальной культуры по поводу ее «провинциальности» и реакции на «культуртрегерские» претензии «столичного».

В провинциальном дискурсе «своя» досуговая жизнь изображалась нередко как сонная, неповоротливая, капризная и непредсказуемая. Так, в 1869 г. корреспондент местной газеты писал: «Наша общественная жизнь, всегда неповоротливая, нынешней осенью, по причине дурной погоды, была тише обыкновенного. Клубы, биржа, театр – все было пусто и мертво, как будто кое-как влачили они последние дни своего существования... То жизнь кипит и в клубах, и в театре, и повсюду в городе, то вдруг все спрячется по своим углам (...)»⁹. Единственное, что могло оживить и вытащить членов «общества» из этих углов, по словам автора этой заметки, – это общественные обеды, проводимые несколько раз в год¹⁰. Те же мотивы слышатся в газетных репортажах и анонсах конца XIX века – ссылки на «известность в Европе» приезжих гастролирующих артистов должны были привлечь внимание публики, а пассажи вроде – «в этом отношении (распространенности одной из новых форм досуга. – С. М.) Казани приходится только догонять другие губернские города, *не говоря уже о столицах*»¹¹ (выделено мной. – С. М.) – были вполне обычным приемом самоописания в провинции.

В то же время довольно распространены были сравнения собственных досуговых практик не со столичными, а с более близкими провинциальными – других, «равных по статусу» (например, губернских) или близких территориально городов. Их жизнь живо интересовала горожан. Так, посетители городской публичной библиотеки Казани в местной печати жаловались на отсутствие газет поволжских городов, события в которых вызывали их пристальный интерес. Характеризуя прием гастролирующих артистов казанской публикой, местная газета сообщала, как именно их до этого принимала публика других поволжских городов¹².

⁹ Казанский биржевой листок. 1868. 5 декабря.

¹⁰ В 1868 г. таких обедов в Казани было четыре – «один коммерческий, один гражданский, один духовный и один ученый», т.е., соответственно, один – в честь проезжавшего председателя нижегородского биржевого комитета, один – купеческий обед в честь губернатора, один – в честь 100-летия казанской духовной семинарии, один – в честь годовщины основания университета. (Там же).

¹¹ Казанский телеграф. 1893. 31 октября.

¹² Казанский телеграф. 1893. 15 апреля, 4 мая. Сообщая 4 мая о горячем приеме в Казани известного певца Фигнера, чей концерт прошел с большим успехом при наплыве публики (сидели даже в оркестре), корреспондент иронически оговаривался: «Принимали, конечно, весьма горячо, но все не так как в Саратове. Там, как со-

Однако, признавая первенство досуговой культуры «столиц», провинциальное население, «общество» и местные власти порой довольно ревностно защищали перед лицом столичных властей особенности «своих» повседневных и досуговых практик и способы их регулирования. Это проявилось и в многолетних попытках части населения и городской думы узаконить в «параллельном» досугово-праздничном календаре специфику местной досуговой культуры¹³. Это отразилось и в упорстве местной полиции в отстаивании собственного, сложившегося «патерналистского» способа разрешения конфликтов с «гуляющими» студентами¹⁴. Об этом же свидетельствовал и ответ казанского губернатора в 1886 г. на запрос военных властей и их предложение последовать примеру Петербургского военного округа, запретившего офицерам посещение некоторых увеселительных заведений Петербурга и окрестностей. Губернатор отказался признать какие-либо увеселительные заведения Казани непристойными для посещения их офицерами, заявив, что «таких увеселительных заведений, в которых непристойно было бы бывать господам офицерам, в г. Казани нет»¹⁵.

В то же время «экономическая экспансия» в провинцию динамично развивавшейся в столицах индустрии досуга, столичных стандартов досуга, влиявших (в том числе с помощью рекламы) на идеальные модели досуга провинциального горожанина, – в отличие от «политического» вмешательства, не вызывала отторжения. Напротив, новые досуговые предложения, появлявшиеся на казанском рынке развлечений, привлекали внимание различных групп горожан, и коммерциализация досуга интенсивно шла как в столицах, так и в провинции.

Проблема «нашего» и «ненашего» досуга остро фиксировалась в различиях между досуговыми практиками различных социальных, образовательных, национально-конфессиональных слоев. На эти расхождения указывал не только Булич. Например, местная печать, особенно в начале изучаемого периода, весьма показательно «проговаривала» раз-

общает «Саратовский листок», очумевшие от восторга барыни забросали г. Фигнера (...) носовыми платками).

¹³ См. об этом: Малышева. 2009. С. 225-266 (раздел «Время отдыха торговых служащих и борьба за «параллельный» календарь выходных и праздников»).

¹⁴ В рапорте казанскому губернатору от 25 января 1899 г. полицмейстер описывал этот способ, заключающийся в том, чтобы «по-хорошему» уговаривать толпу студентов разойтись, а арестовывать лишь небольшую группу упорствующих «гуляк» (НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 11293. Л. 26). В своих рапортах «наверх» губернатор, как правило, воспроизводил положения и доводы рапорта казанского полицмейстера.

¹⁵ НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6809. Л. 4.

личия между досуговыми практиками «нашего» «многолюдного избранного общества» и «многочисленной толпы рабочего народа»¹⁶ (того самого, в котором, по словам Булича, мысль не присутствовала, а наслаждение было слишком грубо). Такие описываемые в прессе досуговые формы, как балы, праздники, танцевальные вечера в клубах и собраниях, конские бега на городском ипподроме четко позиционировались как «наши», а «кабачный» досуг и балаганы, ставившиеся на масленицу, – как «не наши», как «развлечение для народа». При этом, живописуя убогость «народного» досуга, представители городского образованного общества, писавшие заметки в газете, патетически подчеркивали определенную ответственность этого «общества» за качество досуга народа, несамостоятельность «кабачно-балаганного» выбора народа: «Нельзя не заметить при этом, что для народа мы предоставляем удовольствия крайней дешевизны и неразборчивости, доходящей даже до цинизма. Как велика должна быть потребность у народа в каком-нибудь другом развлечении, помимо кабачного, если он идет посмотреть на глупейшего паяца, высовывающего ему язык и только, или послушать музыку, состоящую из турецкого барабана и флейты?»¹⁷.

Однако эти патерналистские порывы тут же сходили на нет, как только представители «народа» обнаруживались, например, в «нашем театре». В том же номере газеты «преобладание пошлости на сцене» казанского городского театра объяснялось спросом на нее «настоящих ценителей» (как язвительно их обозначил автор заметки), сидящих в райке, т.е. тех самых представителей народа, о качестве досуга которых так сокрушалась газета несколькими строками выше. Автор подчеркивал, что это преобладание пошлости и бессодержательности вынуждает «записных, серьезных людей» не посещать театр¹⁸. Эта мысль не доводилась мысль до логического конца, однако она очевидна: вторжение «народа» в досуговое пространство «избранного общества» в глазах многих его представителей оскверняло чистоту и утонченность досуговой формы.

Четверть века спустя городская печать уже не проводила столь резких разграничительных линий между «нашим» и «народным» досугом, предпочитая употреблять более нейтральные выражения, говоря о «публике», об «обывателях», «жителях» города. Более того, сообщая об отдельных инцидентах в городской досуговой сфере, например о «безобразиях» во время катаний на лодках по озеру Кабан (пьяные катаю-

¹⁶ Из заметок газеты «Казанский биржевой листок» 1869 г. (5 января, 9 марта).

¹⁷ Заметка о казанской масленице // Казанский биржевой листок. 1869. 9 марта.

¹⁸ На прощанье с театром // Там же.

щиеся мужчины приставали к катающимся дамам¹⁹), газета предпочитала не упоминать о социально-классовой принадлежности обижаемых и обидчиков. Такие упоминания – с оттенком городского шовинизма – появлялись лишь, когда речь шла о столкновениях в сфере досуга с крестьянами окрестных деревень: это и упоминание о местных деревенских (села Дербьшки) крестьянских парнях, пристававших к дачницам и напавших на юного велосипедиста, и о деревенском «лапте», забредшем на загородное гулянье «Пикник»²⁰, и др. Таким образом подчеркивалась «чуждость» городского досуга (в том числе дачного) сельскому населению. Но в рассказах о городских формах досуга, о «народных праздничных увеселениях» (балаганах) на Николаевской площади, промелькнувшее наряду со словами «посетители» и «поштенная публика» слово «народ» звучало довольно нейтрально²¹. Формы городского отдыха, при всей пестроте и разнообразии их ассортимента, уже не связывались напрямую с практиками досуга какой-либо части населения города.

Рефлексии по поводу различий досуговых практик разных социальных, образовательных, национально-конфессиональных слоев, и даже внутри них отражали описания «чужих» или «чуждых» форм досуга, их атрибутов в произведениях реалистической художественной литературы. В начале XX в. татарская художественная литература освещала проблему «нашего» и «не нашего» отдыха, споры, которые велись внутри татарского общества, о допустимости, возможности и необходимости принимать новые, современные формы и практики досуга²².

Так, Ф. Амирхан в своих рассказах с одобрением и симпатией описывал татар, перенявших новые повседневные и досуговые практики (он называет их «европейскими», но речь идет, скорее, о практиках современного ему российского общества). Он описывает появившиеся в домах татарской интеллигенции, образованных средних слоев «картины на стенах с изображением живых существ, и огромный рояль в углу, и русские куличи на столе вместо традиционного праздничного татарского пирога. (...) общество молодых людей с необритыми головами без тубетек, девушек и женщин с изящными калфаками²³ на волосах». Упоминается посещение героями литературных вечеров, драматических и

¹⁹ Казанский телеграф. 1893. 11 июля.

²⁰ Казанский телеграф. 1893. 17 июня, 25 июня.

²¹ Казанский телеграф. 1893. 29 декабря.

²² Эта проблема была частью более глобальной проблемы – модернизации татарского общества, проявившейся, например, в споре «старомодников» и «джадидистов». См. о джадидизме: *Kanlidere*. 1997; *Абдуллин*. 1998; *Noack*. 2000; и др.

²³ Калфак – традиционный женский татарский головной убор.

оперных спектаклей в театрах, городских и загородных парков, умение играть на рояле и изучение ими французского языка²⁴.

В то же время, Амирхан карикатурно изображал как страх консервативной части татарского общества причаститься этих «греховных» развлечений, так и стремление некоторых представителей татарской молодежи (малообразованной, но располагающей средствами) к внешней, показной, вызванной модой, рецепции отдельных атрибутов современной массовой досуговой культуры города. Сын богатого торговца Гайса Азизов, привлекая к себе внимание, демонстративно листает на палубе парохода русские юмористические журналы. Он курит и хвастает дорогими сигарами, выписанными из Германии, играет в карты и рассуждает о достоинствах вин и крепких спиртных напитков, хвалится умением танцевать модный танец матчеш, а также хвастается сестрой, умеющей играть его на рояле²⁵.

Писатель, таким образом, показывает намечавшуюся дифференциацию в восприятии современных досуговых практик различными частями татарского общества. Лучшие, образованные его представители воспринимают наиболее интеллектуальные и духовные формы досуга, другие слои отдают предпочтение незатейливым демократическим формам, составлявшим часть формировавшейся масс-культуры провинциального города, третьи совершенно не приемлют современные досуговые практики, противоречащие религиозным запретам и предписаниям. Соответственно, если освоение и присвоение первой частью татарского общества «чужого» в сфере досуга совершается органично, то попытки показного присвоения «чужого» представителями второй категории выглядит смешно и карикатурно, сопоставимо с категорическим отторжением «чуждой» досуговой культуре консервативной части татарского общества.

Таким образом, пореформенные десятилетия характеризовались интенсивной рефлексией горожан о досуговых практиках, складыванием представлений о досуге. Формулируя представления о досуге, идентифицируя себя как представителя того или иного досугового сообщества и отграничиваясь от «чуждых» досуговых сообществ и присущих им моделей поведения, вступая в конфликт с представителями «чужих» досуговых сообществ или активно проявляя интерес к его практикам – отдельные индивиды и их группы вовлекались в диалог между собой, а также с местным «обществом» и «властью». Эти ментальные и комму-

²⁴ Амирхан. 1975. С. 26-27, 30; 275, 282; и др.

²⁵ Там же. С. 52, 56-57, 64, 66.

никативные процессы объективно способствовали сближению досуговых практик горожан различных слоев и классов, их относительной гомогенизации, складыванию массовой городской культуры досуга.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Амирхан Ф.* Избранное. Рассказы и повести / Пер. с тат. Г. Хантемировой. Вступ. статья Л. И.Климовича. М.: Художественная литература, 1975. 320 с.
- Абдуллин Я. Г.* Джадидизм среди татар: возникновение, развитие и историческое место. Казань: Иман, 1998. 41 с.
- Булич А. К.* Николай Никитич Булич и современное ему Казанское общество (Семейная переписка и воспоминания) // Ученые записки Казанского государственного университета им. В. И.Ульянова-Ленина. 1930. Книга 5. С. 907-939.
- Казанский биржевой листок. Казань, 1868, 1869.
- Казанский телеграф. Казань, 1893.
- Казанский телеграф. Казань, 1893.
- Малышева С.* «Еженедельные праздники, дни господские и царские»: время отдыха российского горожанина второй половины XIX – начала XX в. // *Ab Imperio*. Исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве. 2009. № 2. С. 225-266.
- Национальный архив Республики Татарстан. (НАРТ) Ф. 1. Канцелярия казанского губернатора. Оп. 3. Д. 6809; Д.11293.
- Орлов И. Б.* Политическая культура России XX в. М.: Аспект Пресс, 2008. 223 с.
- Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Т. 14. Казанская губерния. 1897 год.
- Häfner L.* Gesellschaft als lokale Veranstaltung: Die Wolgastädte Kazan' und Saratov (1870-1914). Köln: Böhlau Verlag, 2004. XII, 594 S.
- Kanlidere A.* Reform within Islam. The Tajid and Jadid Movement among the Kazan Tatars (1809 – 1917). Conciliation or Conflict? Istanbul: Eren, 1997. 199 p.
- Noack Ch.* Muslimischer Nationalismus im russischen Reich: Nationsbildung und Nationalbewegung bei Tataren und Baschkiren; 1861 – 1919. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2000. 614 S.
- Rearick Ch.* Consumer Leisure // *Encyclopedia of European Social History from 1350 to 2000* / Ed. by P.N.Stearns. Vol. 5. Culture, Leisure, Religion, Education, Everyday Life. Detroit: Scribner, 2001. P. 201-217.

Малышева Светлана Юрьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры историографии и источниковедения Института истории Казанского (Приволжского) федерального университета; Svetlana.Malycheva@ksu.ru